* * *

Правомерно ли говорить о таких разных поэтах, объединять их не только на бумаге, но и в мыслях. Георгий Иванов — всемирно известный поэт первой половины 20 века, пишущий в рифмованной традиции.

И Арво Метс — поэт второй половины 20 века, пишущий свободным стихом. Правда и его стихи прошли испытание временем, уже почти 25 лет минуло, как он ушёл из этого мира, но стихи его продолжают читать и переводить на шведский, испанский, сербский, хорватский, немецкий, английский, болгарский, польский, грузинский, украинский, хинди и другие языки...

Стихотворение самого Георгия Иванова рассеяло мои сомнения.

Слепой Гомер и нынешний поэт
Безвестный, обездоленный изгнанник,
Хранят один — неугасимый! — свет,
Владеют тем же драгоценным знаньем.

Когда читаю стихи Георгия Иванова, поражаюсь, насколько близки по каким-то главным основополагающим темам и чувствам стихи Арво Метса к стихам Георгия Иванова. Какая-то внутренняя перекличка.

По-настоящему со стихами Георгия Иванова мы познакомились только в конце 80-х, раньше в России его не печатали. В основном, все стихи Арво к этому времени были уже написаны.

Судьба Георгия Иванова всем известна. Эмигрант, в последние годы бедствующий, страдающий, продолжающий любить Россию. Его «Посмертный дневник» — это крик вопиющего в пустыне. Как написал поэт Виктор Верстаков в стихотворении о Георгии Иванове: «Не умирают поэты, а погибают они».

Это относится и к Арво Метсу. Последние годы жизни Арво были очень трудными. Эти страшные годы нашей страны, названные перестройкой. Когда все внутри страны стали воевать со всеми. Распался Союз Писателей, почти прекратил существование журнал «Новый мир», в котором Арво проработал 16 лет, умирали театры, шла настоящая гражданская война, вплоть до обстрела Белого Дома. Распался СССР, отделилась Эстония. Заболела мама Арво, умерла. «А могила за крепким замком границы».

Почему-то в нашей стране во все времена хорошие поэты страдают, погибают. Силы зла буквально набрасываются на талантливого поэта.

Арво на себе все это испытал:

Я и сам не знаю,
как меня,
парня из эстонской глуши,
настигла судьба
русского поэта...

Со всеми
вытекающими последствиями.

Арво думал о судьбах русских поэтов. После ухода Арво из жизни, я собрала его стихи. Возникла подборка из 20 стихотворений «Судьба русского поэта», включающая в себя стихотворения, посвящённые Пушкину (5 стихотворений), а также Дельвигу, Языкову, Тютчеву...

Мне, читая стихи Г. Иванова, по прошествии 20 лет после ухода Арво из жизни, захотелось произвести некоторый сравнительный анализ. И оказалось: то, что важно было для Арво, было важно и для Г. Иванова. Это

Небо, звезды; Свет, сияние; «Ожидание чуда» А.М. «обещанного мне» Г.И.; **Музыка**, внутренняя «смутная, чудная», слышимая только поэтом; **Пушкин** родной и для Георгия Иванова, и для Арво Метса; **Россия** — очень сложные взаимоотношения и глубокая связь; **Ощущение дара своего как Божьего дара.**

Самое удивительное — даже детали, создающие настроение стихотворения, часто совпадают. Вот одно из ранних стихотворений ***Арво Метса***:

В голубой коляске
лежит он
с соской.
В тихих глазах отражаются небо
и птицы,
плывущие высоко.
Наклонившись,
я вдруг увидел
самого себя –
в стареньком пальто.

Обратите внимание: «в стареньком пальто» и «небо»...

А теперь прочтите следующее стихотворение.

Георгий Иванов:
С бесчеловечною судьбой
Какой же спор? Какой же бой?
Всё это наважденье.
Но этот вечер голубой
Ещё моё владенье.

И небо. Красно меж ветвей,
А по краям жемчужно...
Свистит в сирени соловей,
Ползёт по травке муравей –
Кому-то это нужно.

Пожалуй, нужно даже то,
Что я вдыхаю воздух,
Что старое моё пальто
Закатом слева залито,
А справа тонет в звёздах.

И небо, и пальто, и муравей, и звёзды

Арво Метс:
Люблю прижаться
к шершавой земле.
Травинки шумят, как дремучие леса.
Бродят путешественники-муравьи.
Давно улетела в небо
последняя капля росы
Учусь смотреть
глазами земли.

Маленькие муравьи в траве и высокое небо создают глубину и ощущение бесконечности...

Удивительно, но в стихотворении В. Н. Попова «Жил на свете Арво Метс, Арво Метс...», написанном в год ухода Арво (1997), эти муравьишки продолжают дело Арво — оберегают людей от уколов жизни.

Владимир Попов
Жил на свете Арво Метс.
Арво Метс.
Он стихи писал по-русски
и немного по-земному.
А в стихах светило солнце.
А в стихах шумело море.
Звонко девушки смеялись.
И еловые иголки
подбирал он у дороги,
чтобы сердце не кололо.
А в конце восьмидесятых

в опустевшем «Новом мире»
он бродил по коридорам,
как дневное привиденье.
На пиджак его потёртый
осыпалась штукатурка,
как былая позолота
от несбывшихся времён.
— Вы ко мне? — спросил он тихо.
— Я не к вам! — сказал я тихо.
Виновато улыбнулся
одинокий Арво Метс.

Он когда-то был счастливым.
Ну конечно, был счастливым...
Ах, каким же был счастливым
бесподобный Арво Метс!
И в стихах светило солнце.
И в стихах шумело море.
Звонко девушки смеялись.
И еловые иголки
подбирал он у дороги,
чтобы сердце не кололо.

А потом его не стало...
И еловые иголки
деловые муравьишки
подбирают у дороги,
чтобы сердце не кололо.

Арво Метс:
Синий и белый февраль...
Я не знаю сам,
Почему иду к берёзе
И смотрю вверх,
В небо.
Стою и стою.

Арво всегда видел небо. Когда он болел, просил не загораживать небо. Помню. Прилетел белый голубь и кружил на небе перед окном, освещённый солнцем, несколько дней, пока Арво не выздоровел. Наверное, это было чудо.

Арво Метс:
Какие крупные здесь звезды,
И какие они живые...
Таинственный неба чертёж
Начинает с тобой говорить...
Но язык его, увы,
племя человеческое забыло.

***

Вешая пелёнки
на балконе,
вдруг останавливаешься,
ошеломлённый мирозданием,

У кончиков пальцев
мерцает звезда.

Звезды не как пейзаж, а как живые, свои, родные, с ними личная связь...

Георгий Иванов:
От синих звёзд, которым дела нет
До глаз, на них глядящих с упованьем,
От вечных звёзд — ложится синий свет
Над сумрачным земным существованьем.

И сердце беспокоится. И в нём –
О, никому на свете не заметный –
Вдруг чудным загорается огнём
Навстречу звёздному лучу — ответный.

И надо всем мне в мире дорогим
Он холодно скользит к границе мира,
Чтобы скреститься там с лучом другим,
Как золотая тонкая рапира.

***

Стихи и звёзды остаются
А остальное — всё равно,— говорит Георгий Иванов.

Чудо. Ожидание чуда. Обещание чуда. Осуществление обещания.

Арво Метс:
Каждая клетка жива
Ожиданием чуда.

И как грустно,
если к вечеру
не случится оно.

Георгий Иванов:
А небо было в розах и в огне
Таких, что сердце начинало биться...
Как будто всё обещанное мне
Сейчас должно осуществиться.

Арво Метс:
Я не знаю,
кто ты...
Случай или подарок?
Или плата за ожидание?
Есть ли в мире такая плата?
Я ничего не знаю.

***

Струна ожидания
Так натянута,
Что басок шмеля
Кажется началом
Неведомого разговора

И хотя, может быть, чудо в тот момент не происходило, но из этого чувства возникали замечательные стихи, и это действительно было чудо. Чудо произошло, мы это знаем, а поэты реально в своей судьбе медленно двигаются к летящему в них камню или к пуле... Но это противоречие состояния души и реальности высекает искры, свет, сияние. Душа в страдании оттачивается, как у точильщика нож, соприкасаясь с жёстким абразивным кругом, становится обострённо восприимчивой. И мы до боли в сердце это чувствуем. Да, нужна жертва. Арво писал: «*за каждое хорошее стихотворение нужно страдать до или после*». Даже в христианстве эта бескровная жертва (кровавую жертву принёс за нас Искупитель) приносится на каждой литургии и принимается с причастием. Мы часто это забываем.

Георгий Иванов:
В награду за мои грехи,
Позор и торжество,
Вдруг появляются стихи –
Вот так... Из ничего.

Всё кое-как и как-нибудь,
Волшебно на авось:
Как розы падают на грудь...
— И ты мне розу брось!

Нет, лучше брось за облака
Там рифма заблестит,
Коснётся тленного цветка
И в вечный превратит.

***

В конце концов судьба любая...
Могла бы быть моей судьбой.
От безразличья погибая,
Гляжу на вечер голубой

Домишки покосились вправо
Под нежным натиском веков,
А дальше тишина и слава
Весны, заката, облаков...

***

Но я не забыл, что обещано мне
Воскреснуть. Вернуться в Россию стихами

И это обещание осуществилось. Вернулся Георгий Иванов, пришёл в славе стихами в Россию.

Самое особенное в стихах Георгия Иванова и Арво Метса — это **Сияние, Свет**.

Арво Метс:
Та далёкая
берёзовая роща
всю зиму
спасала меня
своим светом.

***

Воздух наполнен
золотым отсветом
осенней листвы.

Кажется даже –
где-то невдалеке
купола храма.

***

Аллея золотистых берёз
вся светится –
словно солнце спряталось в ней.

Георгий Иванов:
Стоят сады в сияньи белоснежном
И ветер шелестит дыханьем влажным.

Поговорим с тобой о самом важном,
О самом страшном и о самом нежном,
Поговорим с тобой о неизбежном...

И это сиянье, и эта неизбежность...

И уж совсем страшно обнажается эта двойственность в стихотворении

Лунатик в пустоту глядит,
Сиянье им руководит

...
Гляди в холодное ничто
В сияньи постигая то,
Что выше пониманья.

Даже больше — кому это надо –
Просиять сквозь холодную тьму...
И деревья пустынного сада
Широко шелестят: «Никому».

Сияние прошло через всю жизнь Георгия Иванова:

Сиянье. В двенадцать часов по ночам,...
...
Сиянье. Сиянье Двенадцать часов.
Расплата.

В лучах расцвета-увяданья
В узоре пены и плюща
Сияет вечное страданье,
Крылами чаек трепеща.

***
То, что было и то, чего не было,
То, что ждали мы, то, что не ждём,
Просияло в весеннее небо,
Прошумело коротким дождём,

Это всё. Ничего не случилось,
Жизнь, как прежде, идёт не спеша.
И напрасно в сиянье просилась,
В эти четверть минуты душа.

***
То, о чём искусство лжёт,
Ничего не открывая,
То, что сердце бережёт,—
Вечный свет, вода живая.

Антология, которую собирал Арво (стихи за 50 лет (1941–1991), к сожалению, так и не опубликованная, названа им «Неугасимый свет».

Арво Метс:
А много ли
человеку нужно?
Краюха хлеба.
Кружка молока.
И светлый луч
над головой.

***

Золотые купола
и кресты
зажглись
на утреннем солнце,
ослепляя сиянием.

Это всего лишь
далёкий отблеск
божественного сияния
на высокой горе,
что открылось
избранникам
Царства Небесного.
«Просияло лице Его,
как солнце,
одежды же Его
сделались белыми
как свет.»

Удивительное отношение к **музыке**. Музыка — не ритмическая составляющая стиха, а как состояние души поэта.

Георгий Иванов:
И музыка. Только она
Одна не обманет.

Арво Метс:
Дома, трамваи,
Магазины, кастрюли.
Хожу среди них,
как марсианин
среди памятников
непонятной цивилизации,
поставленной наспех
для первых потребностей.

...А где-то внутри
по тихим углам –
кристаллы музыки.

Музыка, как то звучание, без которого нет стихотворения. И хотя Арво Метс писал верлибры, где не так очевидна музыка, в его стихах естественна интонация, так важны паузы, так влияют на стихотворение понижение, повышение голоса, меняющийся ритм разных стихотворений. В русской музыке у Даргомыжского, Мусоргского, Шостаковича преобладает не мелодия, а интонация, речитатив. Что свойственно и хорошему верлибру. Об интонации в верлибре писал Арво в 1971 году.

Арво Метс:
«Троица» Рублева
Беспричинная нежность
разлита в фигурах,
которую часто
в себе узнаю.

Вы ангелы, тоже
наверное, поэты?
И вам, кроме музыки
ничего не нужно?

Георгий Иванов:
Приближается звёздная вечность
...
Это музыка миру прощает,
То, что жизнь никогда не простит,
Это музыка путь освещает,
Где погибшее счастье летит.

Арво Метс:
Где взять слова
для певучести шеи...

***
Играют скрипки.
И ты сидишь
Невидимой ласке подставив лицо.

***
Нос урчит как гармонь
макушка касается неба...

***
Весь день
я искал одиночества,
чтобы слушать тебя.

Ты гудишь во мне,
как орган
в высокой церкви.

***
Доверяю тебе,
как чистейшему звуку...

***

А я
со своей
невидимой скрипкой?

Без музыки в душе, вероятно, нет поэта. Блок мог писать только, пока была музыка. Когда Арво стал работать в отделе публицистики, Муза замолчала. Арво не мог писать стихи. И даже перейдя в отдел поэзии, не сразу вернул свой дар. Только русские леса, поля Владимирской области, Рязанской, села Былино его вдохновили...

Та
далёкая
берёзовая роща
всю зиму
спасала меня своим светом,
а ныне
увидеться с ней
не удалось.
Гербовые *заботы,*
как писал Пушкин
в Дерпт Языкову.

Георгий Иванов:
Мелодия становится цветком.
Он распускается и осыпается,
Он делается ветром и песком,
Летящим на огонь весенним мотыльком,
Ветвями ивы в воду опускается...

Проходит тысяча мгновенных лет,
И перевоплощается мелодия
В тяжёлый взгляд, в сиянье эполет,
В рейтузы, в ментик, в «Ваше благородие»,
В корнета гвардии — о, почему бы нет?

Туман...Тумань... Пустыня внемлет Богу.
— Как далеко до завтрашнего дня!...

И Лермонтов один выходит на дорогу,
Серебряными шпорами звеня.

***

Медленно и неуверенно
Месяц встаёт над землёй.
...
Все в этом мире по-прежнему,
Месяц встаёт, как вставал,
Пушкин именье закладывал
Или жену ревновал.

И ничего не исправила,
Не помогла ничему
Смутная, чудная музыка,
Слышная только ему.

Пушкин! Это удивительно. Пушкин для Г. Иванова и для Арво Метса родной, близкий человек.

Арво Метс:
Мечта —
чтобы Пушкин читал твои стихи.
Чтобы возле какой-нибудь строчки
остался летучий след
его острого ногтя.

***
А говорят –
золотой век...
Тютчев спасся
только потому,
что прикинулся
не поэтом.

***
Лилипуты
Так опутали Гулливера,
что при малейшей попытке
освободиться,
верёвки ещё туже
врезались в тело.

...Это я думал,
читая письма
Пушкина.

***
Пушкин –
это когда
после долгих странствий
возвратился домой.

Пушкин –
это когда
дышится легко.

Георгий Иванов:
Александр Сергеевич, я о вас скучаю.
С вами посидеть бы, с вами б выпить чаю,
Вы бы говорили, я б, развесив уши,

Слушал бы да слушал.

Вы мне всё роднее, вы мне всё дороже,
Александр Сергеевич, вам пришлось ведь тоже
Захлебнуться горем, злиться, презирать,
Вам пришлось ведь тоже трудно умирать.

Россия.

Арво Метс родился в Таллинне. Мать лютеранка, отец православный.

Арво православный человек. Сам изучил русский язык. Полюбил русскую литературу. Окончил Ленинградский Библиотечный институт и Литературный институт в Москве. Оба с красным дипломом. И прекрасно знал русскую литературу. И классику, и писателей своего времени.

Когда только появился первый сборник Рубцова, Арво принёс со словами: «Замечательный поэт». Рубцов тогда ещё был жив. Его мало кто знал.

Очень ценил Шукшина. Мы не пропускали ни одного его фильма.

Арво как-то чувствовал беды России, полюбил и людей, и страну. Раннее стихотворение «Троица» написано до 1965 года. После празднования 1000-летия Руси написано стихотворение: «*Рублевская синь просвет в тёмных тучах...*» В 90-е годы — «*Как много на великой Руси шевелится тихих губ в отчаянии. Когда их услышит Бог?*» Незадолго до обстрела Белого дома предчувствует ВРЕМЯ: «*Воздух всё густеет и превращается в свинец*».

Пречистая
Божия Матерь,
излей Твой
небесный елей
на гнойные раны
России!

Георгий Иванов:
«И сорок лет спустя мы спорим
Кто виноват и почему.
Так, в страшный час над Чёрным морем
Россия рухнула во тьму...

* * *

В страшные перестроечные годы Россия в очередной раз рухнула во тьму. Как следствие, бесконечные конфликты на национальной почве. Арво констатирует:

Пути цивилизации —
от Нагорной проповеди
к Нагорному Карабаху.

Сложные взаимоотношения с Россией. Георгий Иванов жил в эмиграции. Той России, которую он знал и любил, не стало.

Россия счастье, Россия свет.
А может быть, России вовсе нет.
И над Невой закат не догорал,
И Пушкин на снегу не умирал...

Ещё два замечательных стихотворения:

Нет в России даже дорогих могил...
Может быть, и были — только я забыл....
и
На взятие Берлина русскими
Над облаками и веками
Бессмертной музыки хвала:
Россия русскими руками
Себя спасла и мир спасла.

Сияет солнце, вьётся знамя,
И те же вещие слова:
«Ребята, не Москва ль за нами?»
Нет. Много больше, чем Москва!

* * *

У Арво с Россией тоже непростые отношения. До развала СССР Эстония и Россия были одним домом. После — Эстония не могла простить Арво любви к России. В Эстонии его не печатали. Хотя он очень много делал для Эстонии. Переводил эстонских поэтов сам, делал подстрочники для Давида Самойлова, добивался их публикации в «Новом мире».

В России тоже с недоверием стали в 90-е годы к нему относиться. Эстонец. Тем более, что мы не участвовали в этой перестроечной эйфории и с ужасом смотрели на слом страны.

Последние годы жизни были очень тяжёлыми. Поэзия никому не нужна. Ни в России, ни во времена Георгия Иванова в эмиграции. Безденежье.

Что останется от творчества?

Арво Метс:
Без имени я уйду, без имени разве найдут?

Георгий Иванов:
Как обидно — чудным даром
Божьим даром обладать
Зная, что растратишь даром
Золотую благодать.

И не только зря растратишь,
Жемчуг свиньям раздаря,
Но ещё к нему доплатишь
Жизнь, погубленную зря.

***

До нелепости смешно
Так бесславно умереть,
Дать себя с земли стереть,
Как чернильное пятно!

Ну, а всё же, след чернил,
Разведённых кровью,—
Как склонялся Азраил
Ночью к изголовью,

О мечтах и о грехах,
Странствия по мукам –
Обнаружится в стихах
В назиданье внукам.

Хождения по мукам отражены и в стихах Арво Метса. По наущению взрослых мальчишки кидали в него камни:

Ты ведь мечтал
стать пророком.
Забыл, что их побивают
каменьями.

И всё же вера в то, что стихи — это Божий дар — примиряет с жизнью:

Благодарю Тебя,
Боже,
За ещё один день

За этот сад,
весь залитый солнцем.

В «Посмертном дневнике» Георгия Иванова одно из последних стихотворений:

Если б время остановить,
Чтобы день увеличился вдвое,
Перед смертью благословить
Всех живущих и всё живое.

И у тех, кто обидел меня,
Попросить смиренно прощенья.
Чтобы вспыхнуло пламя огня,
Милосердия и очищенья.

И всё же завершить размышленья о Георгии Иванове хочется его стихотворением:

А что такое вдохновение?
— Так...неожиданно слегка

Сияющее дуновение
Божественного ветерка...

А об Арво... Вспомнить его стихотворение «Памятник»:

Уютная,
какая-то домашняя
зелень
бронзы Пушкина
давно уже
весело слилась
с лепетом листвы
бульваров
и рощ.

И закончить словами Владимира Смирнова из предисловия к книге Арво Метс «В осенних лесах» (2006):

«В своей последней книге Арво написал:
«В основе настоящей поэзии лежит нравственное начало, без которого всё здание будет построено на песке».
Свой дом он построил на вольном просторе. Я верю и знаю, что это он написал о себе, о милой домашней вечности, где душа поэта:

...вновь узрит
лазурность
и необъятность небосвода
Руси.»

10 ноября 2019 года

Сегодня исполнилось 125 лет со дня рождения Георгия Иванова. А я, не зная этого, почему-то сегодня закончила эту работу.